- Аттали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб., 2014.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. Пер. с фр. / под общ. ред. С. Фокина. М., 2011.
- Исаев И. А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. 2-е изд. М., 2003.
- Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007.
- Комлева Н. А. Глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. Пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М.; Челябинск, 2016.
- Назаров В. С. Мир и дух проектного капитализма. М., 2014.
- Парамонов О. «Большие данные» на службе полиции (и преступников). URL: <http://www.computerra.ru/86823/crime-bigdata/>.
- Рифкин Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. Пер. с англ. 2-е изд. М., 2015.
- Родин И. Конституцию можно не менять, а дополнять // Независимая газета. 2013. 29 мая.
- Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Пер. с англ. М., 2015.
- Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М., 2015.
- Фукуяма Ф. Государственный порядок / пер. с англ. В. Л. Гончарова. М., 2015.
- Хазин М. Л. Оружие преступления — биткоин. URL: <http://khazin.ru/khs/2272729>.
- Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М., 2008.

Юридическая природа правовой нормы: интегративный подход

КУЧИН Михаил Викторович, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент 620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: kutschin@mail.ru

Понятие нормы является ключевым элементом как для правопонимания в целом, так и для целей правоприменения. Сложившиеся в отечественной теории еще в советский период подходы к пониманию правовой нормы остаются неизменными и не учитывают современных реалий, в том числе особенностей международного нормообразования. Игнорирование особенностей, присущих международно-правовым нормам, несоответствие доктринальных подходов изменениям в российском законодательстве и положениям, вырабатываемым судебной практикой, вносит определенный дисбаланс и приводит к спорам о нормативности тех или иных положений и актов.

Целью исследования является анализ как сложившихся, так и предлагаемых в настоящее время научных подходов к проблеме нормативности, а также произошедших в последние годы изменений в международном и внутригосударственном праве.

Для проведения анализа в работе использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Автором предпринята попытка на основе анализа доктрины, внутригосударственного законодательства, международного права, судебной практики выявить общие черты, присущие всем нормам права, и определить их юридическое содержание. Обосновывается необ-

ходимость интегративного подхода при разработке общеправовых категорий, учитывающего особенности различных систем права. Важнейшей причиной развития данного направления в отечественном праве является конституционное закрепление тезиса о включении норм международного права в правовую систему Российской Федерации. Особое внимание уделено критическому анализу признаков правовых норм, позволяющих выделить их из числа иных социальных норм. Предложено новое определение нормы права: регулирующее общественные отношения и рассчитанное на неоднократное применение обязательное для исполнения предписание, установленное и (или) признанное государством либо уполномоченным государствами межгосударственным институтом и обеспечиваемое его властным принуждением.

Ключевые слова: право, определение нормы права, международно-правовая норма, признаки правовой нормы, соотношение международного и внутригосударственного права.

Legal Nature of a Legal Norm: Integrative Approach

M. V. KUCHIN, associate professor at the International and european law department of the Ural State Law University, candidate of legal sciences

21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, Russia, 620066

E-mail: kutschin@mail.ru

The concept of the norm is a key element both for legal understanding in general and for the purposes of law enforcement. The approaches to understanding the legal norm that developed in the domestic theory during the Soviet period remain unchanged and do not take into account modern realities, including particular features of international norm-formation. Ignoring the particular features, inherent to international legal norms, the discrepancy between doctrinal approaches to changes in Russian legislation and to provisions developed by judicial practice introduce a certain disbalance and lead to disputes about normativity of certain provisions and acts.

The purpose of this research is to analyze both the existing and currently proposed scientific approaches to the problem of normativity, as well as the changes that have taken place in recent years in international and domestic law.

For the analysis the author used formal legal and comparative legal methods of research.

The article attempts to identify common features inherent to all legal norms and determine their legal content on the basis of analysis of doctrine, domestic legislation, international law, judicial practice. The necessity of an integrative approach in the development of general legal categories that takes into account the peculiarities of different legal systems is substantiated. The most important reason of the development of this direction in the domestic law is the constitutional consolidation of the thesis on the inclusion of international law in the legal system of the Russian Federation. In the article special attention is paid to a critical analysis of the signs of legal norms that make it possible to distinguish them from among other social norms. The author proposed a new definition of the rule of law as regulating public relations and designed for repeated use binding prescription, established and / or recognized by the state or an authorized by states by an interstate institution and ensured by its imperious compulsion.

Keywords: law, definition of the rule of law, international legal norm, indications of legal norm, correlation of international and domestic law.

DOI: 10.12737/article_5a2005006de624.36183729

«Под природой каждой вещи и каждого явления, — писал В. В. Ивановский еще в конце XIX в., — следует разуметь природу познаваемую, т. е. единство тех познаваемых признаков вещи или явления, совокупность и взаимоотношение которых всегда и везде их характеризует в отличие от вещей с иными призна-

ками и иными взаимоотношениями последних»¹. Данный подход в полной мере применим и к исследованию юридической природы нормы права. Такое исследование предпо-

¹ Ивановский В. В. Вопросы государственного управления, социологии и политики. Казань, 1899. С. 4.

лагает выявление прежде всего совокупности признаков, отличающих данную категорию от иных смежных явлений.

Вместе с тем обращение к правовым категориям, применяемым как в международном, так и во внутригосударственном праве, требует, на наш взгляд, учета особенностей, сложившихся в этих правовых системах в отношении исследуемого объекта. При этом следует указать на ничтожно малое количество работ, затрагивающих данную проблему с позиции интегративного подхода, несмотря на то, что она существует с момента появления международного права. Данный факт объясняется во многом и доминированием в научной доктрине XX в. дуалистической теории, в основе которой лежит признание международного и внутригосударственного права в качестве двух самостоятельных и независимых правопорядков. Данная теория с момента возникновения постоянно акцентировала внимание на различиях систем права. Основатель дуалистической концепции Г. Трипель заявлял: «Международное и внутригосударственное право суть не только различные отрасли права, но и различные правопорядки. Это два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются»². Основываясь на данном принципе, последователь Г. Трипель Д. Анцилотти пришел к следующим выводам:

а) международные нормы формально не являются производными от норм внутригосударственных. Внутригосударственные же нормы не могут быть обязательными в силу основной нормы международного правопорядка;

б) нормы международного права не могут оказывать влияния на обязательную силу внутригосударственных норм, и наоборот;

в) невозможны конфликты в собственном смысле между правом международным и внутригосударственным;

г) международное право может, однако, отсылать к внутригосударственному праву, а последнее — к международному праву³.

Позднее сторонники дуалистической концепции стали признавать взаимодействие международного и внутригосударственного права.

Подход советских ученых к данной проблеме отражал прежде всего политику руководства СССР. При этом многие аспекты дуалистической концепции были восприняты советской наукой международного права.

«Хотелось бы отметить, — писал Р. А. Мюллерсон, — что, по существу, наш подход к проблеме — это дуалистический подход, так как международное и национальное право рассматриваются как различные системы права»⁴. Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть влияние идеологического фактора на развитие теории права. Классовый подход, внедрявшийся в содержание основных правовых категорий, требовал, с одной стороны, формирования своей социалистической теории права, отличной от буржуазной. С другой стороны, создание международного права совместно с капиталистическими государствами требовало выработки единых теоретических конструкций. Такая ситуация способствовала отдалению теории международного права от жестко подчинявшейся государственной идеологии общей теории права. Так, по мнению А. М. Ладыженского, «международное и внутригосударственное право действуют в различных плоскостях, они регулируют отношения между различными видами субъектов и регу-

³ См.: Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М., 1961. С. 66—67.

⁴ Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 10.

² Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht. Leipzig, 1899. S. 111.

лируют их различными методами»⁵. Схожую позицию высказывал спустя четверть века и другой советский юрист-международник Е. Т. Усенко, заявляя, что «сопоставление категорий обеих правовых систем обнаруживает столь существенные различия между ними, что попытка охвата теорией права этого разнообразия могла бы увести ее в мир таких абстракций, что она утратила бы характер подлинной теории советского права»⁶.

Значительным событием в советской юридической науке, связанным с определением подходов к проблеме соотношения общей теории права и теории международного права, явилось рассмотрение данного вопроса на заседании ученого совета Института государства и права АН СССР 27 апреля 1984 г. В ходе выступлений советскими учеными отмечено отсутствие исследований по общей теории права в этой сфере. «В общей теории права, ориентированной на отраслевые юридические науки, — отметил заместитель директора Института А. В. Васильев, — по этому вопросу есть лишь соображения, по существу, отгораживающие ее от проблем международного права»⁷. По мнению С. А. Иванова, «специалисты в области общей теории права не учитывают в своих разработках проблемы международного права»⁸. Широкое обсуждение этой проблемы явилось определенным стимулом для научных разра-

боток в данном направлении. Практически впервые представителями общей теории права были сделаны выводы о необходимости выработки общетеоретических подходов, касающихся обеих правовых систем. Как подчеркнул А. В. Васильев, «различия в предмете регулирования и другие, важные при анализе и для понимания своеобразия как национального, так и международного права, не образуют между ними непроходимой пропасти. Это различия внутри одного рода явлений. Видимо, можно сказать, что рассматриваемые системы представляют две стороны в праве, но меру правового они сохраняют в равной степени. Поэтому различия национального и международного права не могут заслонить их родовой общности. Как бы значительно они не рознились, более важным является наличие в обеих системах общей основы, которая и выделяет их как правовые»⁹. К числу основных моментов данной общности относится и их нормативно-правовая природа.

Еще более критически взвешенная позиция по отношению к распространенным в отечественной юридической науке в тот период взглядам на проблему взаимодействия правовых систем была высказана юристами-международниками. «В последние годы, — говорится в докладе Г. В. Игнатенко, — в работах по общей теории права и теории международного права высказаны предостережения против механического переноса понятий и конструкций общей теории права, ориентированных преимущественно на внутригосударственную сферу, в международно-правовую теорию. Вместе с тем констатация специфики международно-правового регулирования должна быть взвешенной, не отвергающей общеправовых категорий... Международные договоры и закрепленные в них нормы для Советского Союза, как и для других государств-участников,

⁵ Ладыженский А. М. К вопросу о взаимоотношениях внутригосударственных и международных правовых норм // Ученые записки Ростовского университета. 1957. Т. XVIII. Вып. 4. Ч. I. С. 61.

⁶ Усенко Е. Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 54.

⁷ Васильев А. М. О системах советского и международного права // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 65.

⁸ Советское государство и право. 1985. № 1. С. 82.

⁹ Васильев А. М. Указ. соч. С. 67—68.

представляют собой не “инородную” правовую материю, не “постороннее” право, а такой продукт нормотворчества, в котором в той или иной степени (в зависимости от многих обстоятельств) воплощены государственные потребности»¹⁰.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, требуют новых интегративных подходов, позволяющих рассматривать право и его основные элементы как общую категорию, характерную и для внутригосударственного, и для международного права. Так, по мнению А. С. Пиголкина, «постепенно уходит в прошлое четкое разделение международного и внутригосударственного права... Такое понятие, как “международный правопорядок”, уже прочно вошло в правовую теорию и практику. Он создается на базе сближения и достижения единообразия всех правовых систем (внутригосударственных и международных) на основе единых норм, стандартов, юридических принципов»¹¹. «В современный период, — отмечает Ю. А. Тихомиров, — происходит все более тесное соотношение предметов национально-правового и международно-правового регулирования. Это длительный процесс, но уже в настоящее время можно заметить две тенденции:

а) круг источников национальных законодательств и их отраслей непрерывно расширяется за счет соответствующих источников международного права...

б) в отраслях национального законодательства заметно возрастает удельный вес норм, как бы привнесенных из международно-правовых норм. ...Нормативные понятия, дефиниции, правовые принципы,

объем компетенции и правосубъектности, процедуры принятия решений (актов), способы защиты прав граждан и юридических лиц либо непосредственно используются в законах в качестве их составных элементов, либо опосредованно влияют на формирование соответствующих понятий, принципов, процедур и т. п. как элементов национальных законов»¹².

Признание Конституцией РФ общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью российской правовой системы также требует выработки общих подходов к такой базовой категории, как норма права, являющейся исходным элементом как во внутригосударственном, так и в международном праве.

Сегодня в юридической науке вопрос выявления признаков норм права, выделяющих их из числа иных социальных норм, не считается проблемным и выглядит на первый взгляд весьма определенным. При этом норма права обычно рассматривается как единая правовая категория вне зависимости от системы права. Так, общая теория права при характеристике правовой нормы исходит из сложившейся дефиниции нормы права как общеобязательного, формально-определенного правила поведения, установленного и обеспечиваемого государством и направленного на регулирование общественных отношений¹³. Отметим, что данной дефиниции, принципиально не изменившейся за последние десятилетия, придерживаются сегодня и многие специалисты

¹² Глобализация и развитие законодательства... С. 91—92.

¹³ См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М., 2010. С. 316; Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 184; Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2002. С. 280.

¹⁰ Игнатенко Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 74.

¹¹ Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. С. 39.

в области международного права¹⁴. Большинство юристов воспринимают данную категорию как устойчивую и определенную сложившейся практикой.

Из признаков, содержащихся в приведенном выше определении нормы, исходит и практика. Так, в утвержденных приказом Минюста РФ от 4 мая 2007 г. № 88 Разъяснениях о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации рекомендуется использовать определение правовой нормы, данное в постановлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации», в соответствии с которым под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение. В своих решениях Верховный Суд РФ также определяет нормы права как правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Высшие российские суды в своих актах обращают внимание также и на формальную определенность как важнейший признак правовой нормы. «Норма, — говорится в постановлении КС РФ от 8 декабря 2015 г. № 31-П, — должна быть формально определенной, четкой, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произволь-

ного их применения». Верховный Суд РФ в решении от 26 июня 2014 г. № ГКПИ14-381 указывает, что конституционный принцип юридического равенства может быть обеспечен лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования.

В юридической литературе при перечислении признаков правовой нормы обычно для полноты характеристики стремятся указать всю их совокупность, включающую как исключительные, специфические признаки, присущие только нормам права, так и общие — относящиеся и к иным видам социальных норм. При этом при характеристике категории нормы, как правило, исследуют признаки правовой нормы с позиции внутригосударственного права, не принимая в расчет специфические особенности международного права. Такой несколько односторонний подход к данному вопросу не способствует выявлению характерных черт, присущих исключительно норме права как общей категории, которые позволили бы осуществить более четкое разграничение, с одной стороны, между правовыми и иными социальными нормами, также выступающими в качестве регулятора общественных отношений, а с другой — между нормами права и ненормативными положениями.

Среди наиболее существенных специфических признаков правовой нормы представители общей теории права выделяют ее властный общеобязательный характер, в основе которого лежит проявление государственной воли. «Независимо от словесной формулировки, в которой выражена та или иная правовая норма (правомочие, веление, дозволение, запрет и т. п.), — указывает М. И. Байтин, — она всегда

¹⁴ См.: Курс международного права: в 7 т. Т. 1. М., 1989. С. 24; Международное право / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. М., 2009. С. 122; Международное публичное право / под ред. К. А. Бекяшева. М., 2009. С. 33.

представляет собой властное общеобязательное предписание государства относительно возможного и должного, разрешаемого и запрещаемого поведения людей, определенного порядка в их отношениях»¹⁵. Указание на прямую связь нормы права с государством содержится в большинстве определений правовой нормы. В частности, констатируется, что нормы права устанавливаются или санкционируются государством¹⁶ или исходят от государства¹⁷.

Вместе с тем данная позиция не отражает в полной мере современных реалий, касающихся нормообразования в международном праве, где отмечается тенденция возрастания объема международно-правовых норм, создаваемых, в частности, международными организациями. Право международных организаций заключать международные договоры, содержащие юридически обязательные нормы, нашло подтверждение в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. Кроме того, значительный объем правовых норм сегодня создается путем принятия международными организациями нормативных правовых актов недоговорного характера. Так, в системе ООН обязательные резолюции, именуемые регламентами, могут принимать компетентные органы Международной организации гражданской авиации (ИКАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Всемирной метеорологической организации (ВМО). Данные регламенты специализированных

учреждений ООН в настоящее время являются широко признанным источником международного публичного права¹⁸.

В современном мире все большее развитие получает тенденция, направленная на расширение полномочий различных международных органов. В связи с возрастанием управленческой роли международных организаций в различных сферах юристами-международниками подмечено и появление такой специфической особенности, как увеличение количества решений, «юридически обязательных для всех государств, в том числе и для тех, кто не выразил им свою поддержку»¹⁹. Так, Международная комиссия по рыболовству в Юго-Восточной Атлантике, созданная в рамках Конвенции по сохранению живых ресурсов Юго-Восточной Атлантики 1969 г., может делать по собственной инициативе или по предложению какого-либо Регионального комитета или Комитета по запасу и на основании результатов научных исследований юридически обязательные рекомендации для государств-участников (ст. VIII). При этом данные рекомендации принимаются Комиссией не единогласно, а большинством в две трети присутствующих и голосующих Договаривающихся Сторон (ст. V).

Развитие мировых интеграционных процессов усиливает проявление данной тенденции. Ярким примером может служить Европейский Союз, органами которого в пределах их компетенции принимаются юридически обязательные акты так называемого вторичного права (регламенты, директивы, решения), подлежащие применению властями государств — членов ЕС независимо от

¹⁵ Байтин М. И. Указ. соч. С. 180.

¹⁶ См.: Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2005. С. 257; Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 569; Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 225.

¹⁷ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М., 1982. С. 31.

¹⁸ См.: Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 93.

¹⁹ Мовчан А. П. Международный правопорядок. М., 1996. С. 98.

того, выступало ли данное государство за их принятие или нет²⁰.

Указанные аспекты требуют определенных оговорок по поводу обязательного выражения государственной воли в каждой норме права. Представляется, что более обоснованным применительно к международно-правовым нормам будет утверждение о проявлении в них согласованной воли как государств, так и иных субъектов международного права. В связи с этим такой широко признаваемый в общей теории права признак нормы, как непосредственная связь с государством, может отсутствовать, когда речь идет о нормах, создаваемых международными организациями.

В качестве другого отличительного признака правовой нормы выделяют ее общеобязательность, включающую, с одной стороны, ее общий характер, с другой — ее юридическую обязательность.

Общий характер правовой нормы, часто обозначаемый в теории права как нормативность, означает, что норма права «выступает в качестве равного, одинакового масштаба для всех и каждого, кто оказывается в сфере ее действия»²¹. Обычно в качестве проявлений данного свойства нормы выделяют следующие:

действие нормы распространяется на неперсонифицированный, т. е. индивидуально неопределенный, круг лиц;

нормы направлены на регулирование определенного вида отношений, а не единичных случаев;

нормы рассчитаны на многократное применение.

«Правовая норма, — пишет О. Э. Лейст, — носит общий характер. В отличие от команд, велений, рас-

поряжений по конкретным вопросам, норма адресована не отдельному лицу, а кругу лиц, определяемых типическими признаками. Она рассчитана на регулирование не единичного, отдельного отношения, а вида общественных отношений; действие правовой нормы рассчитано на неограниченное количество случаев; она продолжает действовать после реализации в индивидуальных отношениях и в поведении конкретных людей»²². По мнению С. В. Бошно, «нормативность отражает типичность социальных процессов, связей, является следствием их повторяемости, выражает всеобщность социальных связей. Всеобщность означает максимальную степень распространенности общественных отношений, их видов, вариантов среди членов общества. Нормативность предполагает также обязательность и всеобщность правовых предписаний. Проявлением нормативности является отсутствие персонификации адресатов правовых норм»²³. Данный взгляд является широко распространенным в юридической науке.

Вместе с тем сравнительный анализ различных видов правовых норм, а также норм, принадлежащих разным правовым системам, дает несколько иное представление об общем характере правовой нормы, отличающемся от «общепризнанного».

Всегда ли круг лиц, на который распространяет свое действие норма права, является неопределенным? Так, основным источником международного права является договор, стороны которого всегда точно известны. Это подтверждается положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.,

²⁰ См.: Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин. М., 2007. С. 108—109.

²¹ Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 273.

²² Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2002. С. 589.

²³ Бошно С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 50.

согласно которой каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26). При этом договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (ст. 34).

Нормативные договоры, заключаемые во внутригосударственной сфере, также действуют лишь в отношении сторон, его заключивших. Возможность заключения таких договоров предусмотрена, например, п. 4 ст. 15 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которыми органы местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. Значение таких соглашений как публично-правовых нормативных договоров подтверждено судебной практикой²⁴. Современная правовая доктрина также идет по пути включения нормативных договоров в число источников права²⁵.

²⁴ См. апелляционное определение Московского областного суда от 4 сентября 2012 г. по делу № 33-17543; определение Московского областного суда от 31 августа 2010 г. по делу № 33-16977.

²⁵ См.: *Алексеев С. С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. С. 141; *Байтин М. И.* Указ. соч. С. 230—231; *Вопленко Н. Н.* Источники и формы права. Волгоград, 2004. С. 51—54; *Губаева Т. В., Гумеров Л. А., Краснов А. В.* и др. Нормы права: теоретико-правовое исследование. М., 2014. С. 73; *Топорнин Б. Н.* Научная конференция «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» // Правоведение. 2000. № 3. С. 242.

На примере договорных норм международного права можно продемонстрировать и отсутствие иных названных выше особенностей нормативности, являющихся согласно общепризнанным подходам обязательным атрибутом правовой нормы. Так, 2 декабря 2015 г. в г. Москве был подписан Протокол о присоединении Республики Армения к Соглашению о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г., содержащий всего две статьи. В соответствии со ст. 1 Протокола Республика Армения присоединяется к указанному Соглашению. Статья 2 определяет момент вступления в силу Протокола. Нормативный характер указанных положений, закрепленных в Протоколе, не вызывает сомнений, однако действие нормы о присоединении исчерпывается моментом ее вступления в силу. С момента вступления в силу данная норма будет исполнена. Все остальные права и обязанности для государства будут вытекать не из Протокола, а из Соглашения, к которому оно присоединилось. Приведенный пример свидетельствует, что норма может быть рассчитана на регулирование единичного факта, а не какой-либо группы отношений.

Подобные примеры ставят вопрос о необходимости пересмотра взглядов на природу нормативности и приводят к выводу, что общий характер нормы права проявляется прежде всего не в персонифицированности адресата, а в возможности ее неоднократного применения и сохранении действительности независимо от исполнения. Этим норма отличается от правового предписания индивидуального характера, юридическая сила которого прекращается вместе с исполнением. В этом проявляется ее общеобязательный характер. Так, нормы, определяющие компетенцию

конкретного государственного органа, будут являться персонифицированными, однако рассчитаны они на многократное применение. Что же касается названного Протокола о присоединении, отметим, что данной нормой определяется новый статус Республики Армения как участника Соглашения. Соответственно, сохранение юридической действительности данной нормы после ее фактического исполнения непосредственно влияет на существование у государства прав и обязанностей, вытекающих из Соглашения.

Говоря о юридической обязательности правовой нормы, подчеркнем: она, согласно утвердившейся точке зрения, выражается в том, что обеспечивается возможностью применения мер государственного воздействия по отношению к лицам, нарушившим норму права. Однако такая позиция не вполне приемлема, когда, например, норму международного права нарушило государство. В данном случае по отношению к нарушителю могут применяться меры международного воздействия, отличающиеся по своей природе от мер государственного воздействия.

В качестве важнейшего отличительного признака нормы права выделяется также формальная определенность. Однако, несмотря на широкое использование данного признака для характеристики правовых норм, можно констатировать, что в отечественной юридической науке понятие формальной определенности трактуется неоднозначно. Так, Л. А. Морозова связывает данное понятие с письменной, документальной формой, в которую облекается правовая норма²⁶. По мнению О. Э. Лейста, под формальной определенностью понимается «точное бесспорное обозначение обстоятельств, порождающих правовые последствия, определение самих этих последствий, качеств, прису-

щих участникам правоотношений, и др.»²⁷. «Формальная определенность нормы права, — пишет С. В. Бошно, — означает, что она излагается в соответствии с требованиями юридической техники. Цель всех требований состоит в создании точной, четкой, простой, понятной нормы. Норма права должна исчерпывающим образом, т. е. точно и конкретно, сформулировать алгоритм правомерного поведения. Этим она отличается от иных социальных норм»²⁸. В. Д. Перевалов при характеристике формальной определенности правовой нормы выделяет внутреннюю определенность, которая проявляется в содержании, объеме прав и обязанностей, четких указаниях на последствия нарушения нормы, и внешнюю, заключающуюся в том, что любая норма закреплена в статье, главе, разделе официального документа — нормативно-правовом акте²⁹.

Относительно четкости и ясности нормы следует отметить, что данный признак присущ далеко не всем нормам права. Так, анализ судебной практики показывает, что споры, касающиеся толкования той или иной нормы, — явление весьма распространенное. Использование судами ограничительного или, напротив, расширительного толкования также говорит об отсутствии изначальной ясности правовой нормы.

Еще большие возражения относительно выделения формальной определенности в указанном выше контексте в качестве отличительного признака нормы права возникают при обращении к анализу обычно-правовых норм, не имеющих документального закрепления. Обычай сегодня является общепри-

²⁷ Теория государства и права. Ч. 2: Теория права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2011. С. 214.

²⁸ Бошно С. В. Указ. соч. С. 51.

²⁹ См.: Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 273.

²⁶ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2010. С. 176.

знанным источником международного права, закрепляющим юридически обязательные нормы. Об этом свидетельствуют многочисленные положения международно-правовых актов. В частности, преамбула Венской конвенции о праве международных договоров прямо указывает, что нормы международного обычного права будут по-прежнему регулировать вопросы, которые не нашли решения в положениях настоящей Конвенции. Юридическая обязательность обычая также признается внутригосударственным правом (ст. 5 ГК РФ) и судебной практикой. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что применению подлежит обычай, как зафиксированный в каком-либо документе (опубликованный в печати, изложенный в решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, засвидетельствованный Торгово-промышленной палатой РФ), так и существующий независимо от такой фиксации.

Определение правовой нормы как правила поведения также вызывает ряд вопросов в связи с существованием наряду с регулятивными и охранительными таких специализированных видов норм, как нормы-принципы, нормы-цели, нормы-дефиниции и т. п., которые непосредственно не устанавливают конкретную модель поведения, но подлежат обязательному применению совместно с иными нормами, определяющими права и обязанности субъектов правоотношения. В связи с этим более точным для определения правовой нормы пред-

ставляется использование термина «предписание» вместо «правило поведения», так как последним не охватываются все разновидности норм. Под предписанием же обычно понимается властное волеизъявление, выступающее регулятором общественных отношений. В зависимости от способов юридического воздействия в теории права нормативно-правовые предписания подразделяют на «управомочивающие, обязывающие, запрещающие, поощряющие и рекомендующие»³⁰. Однопорядковость терминов «нормативное предписание» и «норма права» подчеркивает С. С. Алексеев, называя их синонимами³¹. С аналогичных позиций высказывается и К. И. Комиссаров, заявляя, что «любая мысль, не просто декларированная, а сформулированная в виде правового предписания, приобретает характер юридической нормы»³².

Таким образом, дефиниция нормы права с учетом выявленных отличительных признаков может быть выражена как регулирующие общественные отношения и рассчитанное на неоднократное применение обязательное для исполнения предписание, установленное и (или) признанное государством либо уполномоченным государствами межгосударственным институтом и обеспечиваемое его властным принуждением.

³⁰ Карташов В. Н. Теория государства и права. Ярославль, 2012. С. 64.

³¹ См.: Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 73.

³² Комиссаров К. И. Диспозитивность как принцип и как черта метода гражданского-процессуального права // Гражданское право и способы его защиты: сб. учен. трудов. СЮИ. Вып. 33. Свердловск, 1974. С. 107.

Библиографический список

- Triepel H. *Volkerrecht und Landesrecht*. Leipzig, 1899.
Алексеев С. С. *Общая теория права*: в 2 т. Т. II. М., 1982.
Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2, 8. М., 2010.
Анцилотти Д. *Курс международного права*. Т. 1. М., 1961.

Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.

Бошно С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4.

Васильев А. М. О системах советского и международного права // Советское государство и право. 1985. № 1.

Вопленко Н. Н. Источники и формы права. Волгоград, 2004.

Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004.

Губаева Т. В., Гумеров Л. А., Краснов А. В. и др. Нормы права: теоретико-правовое исследование. М., 2014.

Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин. М., 2007.

Ивановский В. В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань, 1899.

Игнатенко Г. В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1.

Карташов В. Н. Теория государства и права. Ярославль, 2012.

Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2005.

Комиссаров К. И. Диспозитивность как принцип и как черта метода гражданско-процессуального права // Гражданское право и способы его защиты: сб. учен. трудов. СЮИ. Вып. 33. Свердловск, 1974.

Курс международного права: в 7 т. Т. 1. М., 1989.

Ладыженский А. М. К вопросу о взаимоотношениях внутригосударственных и международных правовых норм // Ученые записки Ростовского университета. 1957. Т. XVIII. Вып. 4. Ч. I.

Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2004.

Международное право / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. М., 2009.

Международное публичное право / под ред. К. А. Бекяшева. М., 2009.

Мовчан А. П. Международный правопорядок. М., 1996.

Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2010.

Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982.

Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998.

Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2002.

Советское государство и право. 1985. № 1.

Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997.

Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2002.

Теория государства и права. Ч. 2: Теория права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2011.

Топорнин Б. Н. Научная конференция «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» // Правоведение. 2000. № 3.

Усенко Е. Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права // Советское государство и право. 1983. № 10.

Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 2008.